

11. Чернуха, В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 гг. XIX в.) / В. Г. Чернуха. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд.-е, 1972. – 226 с.
12. Чехов, А. П. Вишнёвый сад / А.П. Чехов. – Москва : АСТ, 2016. – 352 с.
13. Эйдельман, Н. Я. «Революция сверху» в России / Н. Я. Эйдельман. – Москва : Книга, 1989. – 176 с.

References

1. Gregori, P. *Ekonomicheskiy rost Rossiyskoy imperii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Economic growth of the Russian Empire (end of XIX – beginning of XX centuries)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, 253 p.
2. Dongarov, A. G. *Inostranny kapital v Rossii i SSSR* [Foreign capital in Russia and the USSR]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1990, 168 p.
3. Zakharova, L.G. *Samoderzhavie i otmena krepostnogo prava v Rossii. 1856–1861 gg.* [Autocracy and the abolition of serfdom in Russia. 1856–1861]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1984, 256 p.
4. Litvak, B. G. *Perevorot 1861 g. v Rossii: pochemu ne realizovalas reformatorskaya alternativa* [The 1861 coup in Russia: why the reformist alternative was not realized]. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1991, 302 p.
5. Morozan, V. V. *Delovaya zhizn na yuge Rossii (XIX – nachalo XX vv.)* [Business life in the south of Russia (XIX - beginning of XX centuries)]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2014, 616 p.
6. Pyzhikov, A. V. *Vzlet nad propastyu. 1890–1917 gg.* [Takeoff over the precipice. 1890–1917]. Moscow, Konceptual, 2018, 552 p.
7. *Rossiya. Enciklopedicheskiy slovar* [Russia: Encyclopedic Dictionary]. Publ. by F. A. Brokgauz, I. A. Efron. St. Peterburg, 1898. Reprint: Leningrad, Lenizdat Publ., 1991, 992 p.
8. Sidelnikov, S. M. *Agrarnaya politika samoderzhaviya v period imperializma* [The agrarian policy of the autocracy in the period of imperialism]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1980, 288 p.
9. Khazin, M. L., Shcheglov, S. I. *Lestnitsa v nebo. Dialogi o vlasti, karere i mirovoy elite* [Stairway to Heaven. Dialogues about power, career and world elit]. Moscow, RIPO klassik Publ., 2017, 624 p.
10. Khristoforov, I. A. *Sudba reform: russkoe krestyanstvo v pravitelstvennoy politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.)* [The fate of the reforms: the Russian peasantry in government policy before and after the abolition of serfdom (1830–1890)]. Moscow, Sobranie Publ., 2011, 368 p.
11. Chernukha, V. G. *Krestyanskiy vopros v pravitelstvennoy politike Rossii (60–70 gg. XIX v.)* [The peasant question in the government policy of Russia (60–70 years of the XIX century)]. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad branch, 1972, 226 p.
12. Chekhov, A. P. *Vishnevyy sad* [The Cherry Orchard]. Moscow, AST Publ., 2016, 352 p.
13. Eydelmann, Ya. *“Revolyutsiya sverkhu” v Rossii* [“Revolution from Above” in Russia]. Moscow, Kniga Publ., 1989, 176 p.

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ АГИТАЦИЯ И ПРОПАГАНДА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ В 1920-х гг.

Сколота Роман Владимирович, кандидат исторических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: r431005@yandex.ru

Дан анализ деятельности государственных органов власти в отношении Русской православной церкви в 20-х гг. XX в. на примере Нижневолжского региона. В частности, рассматриваются методы давления на церковь, а также создание и развитие агитационно-пропагандистского аппарата и методик его работы. Из конкретных примеров регионального значения составлен портрет зарождающейся парадигмы отношений коммунистической власти и РПЦ, которая с теми или иными незначительными изменениями станет определяющей в последующие десятилетия истории Советского государства. В рамках анализа методов непосредственного давления на церковь рассматриваются такие факты, как массовое закрытие храмов, репрессии против священнослужителей и активных прихожан, изъятие ценностей из храмов и монастырей. В этом контексте дан анализ деятельности нового, только зарождающегося в эти годы аппарата антирелигиозной агитации и пропаганды. Проанализированы результаты деятельности местной государственной власти по указанным направлениям исходя из изменения религиозности общества.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения, агитация, репрессии, пропаганда, изъятие церковных ценностей, антицерковная политика, Нижняя Волга, региональная история, закрытие храмов, общество

ANTI-RELIGIOUS PROMOTION AND ADVANCE IN THE CONTEXT OF STATE-CHURCH RELATIONS ON THE LOWER VOLGA IN THE 1920s

Skolota Roman V., Ph. D. (History), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: r431005@yandex.ru

In the article “Anti-religious agitation and propaganda in the context of state-church relations on the Lower Volga in the 20s. XX century” provides an analysis of the activities of state authorities in relation to the Russian Orthodox Church in the 20s XX century on the example of the Lower Volga region. In particular, methods of pressure on the

church are considered, as well as the creation and development of the propaganda apparatus and methods of its work. From specific examples of regional significance, the author of the article compiles a portrait of the emerging paradigm of relations between the communist government and the Russian Orthodox Church, which with certain minor changes will become decisive in the following decades of the history of the Soviet state. As part of an analysis of the methods of direct pressure on the church, the article discusses such facts as the mass closure of churches, repressions against clergy and active parishioners, and the seizure of property from churches and monasteries. In this context, an analysis is given of the activity of a new apparatus of antireligious agitation and propaganda, which was only emerging in these years. In the final part of the article, the results of the activities of local government in both of these areas are analyzed based on changes in the religiosity of society.

Keywords: state-church relations, agitation, repression, propaganda, the seizure of church values, anti-church politics, Lower Volga, regional history, closing of churches, society

В настоящее время велик интерес исследователей к изучению церковной истории, государственно-церковных отношений в первое послереволюционное десятилетие. В то же время, несмотря на большое количество издаваемых научных работ, данный период в этом отношении остаётся всё ещё малоизученным, особенно в регионах. Между тем, исследования региональных исторических особенностей могут существенно дополнить уже существующие. Одним из актуальных направлений современной российской исторической науки и региональной истории остаётся изучение антирелигиозной, антицерковной политики советской власти.

Антирелигиозная деятельность в регионах в основных своих чертах велась по тем же направлениям, что и в центре страны. В то же время удалённость губерний приводила к ослаблению контроля центральной власти за ситуацией на местах. Роль местной власти при этом, напротив, увеличивалась. Нижнее Поволжье, как регион, удалённый от столицы, в этом смысле не был исключением. Антирелигиозная работа велась здесь также по двум основным направлениям: 1) непосредственное подавление и развал Церкви; 2) антирелигиозная агитация и пропаганда. В обоих направлениях работа органов власти шла с переменным успехом, усиливаясь, главным образом, при проведении широких антирелигиозных компаний, таких как изъятие церковных ценностей и поддержка «обновленческого» раскола. При этом многие процессы в государственно-церковных отношениях рассматриваемого периода проходили на Нижней Волге под знаком местных особенностей.

Скрытое и явное давление на Церковь начинается в центре страны и в провинции практически сразу после революционных событий октября 1917 г. В большинстве случаев оно носило стихийный и антиправовой характер. Нижневолжский регион в этом смысле не стал исключением. Ещё с 1919 г. в Астрахани и губернии начинает набирать обороты кампания по массовому закрытию церквей, которая проводилась непосредственно Комиссией по отделению Церкви от государства, существовавшей при Губернском отделе юстиции. В мае был закрыт Успенский собор и запрещено посещение кремля верующими. В августе были закрыты церкви при Губернской тюрьме и бывшей Мариинской гимназии [4, л. 32]. Согласно постановлению от 24 ноября 1919 г. была ликвидирована церковь «Скоропослушницы» при бывшем епархиальном доме призрения, а также Спасская семинарская церковь [4, л. 36]. 2 декабря того же года у верующих была отобрадена церковь, существовавшая при бывшем епархиальном училище [4, л. 36об.]. Храмы вместе с примыкающими к ним зданиями раздавались различным ведомствам и службам. При этом имущество большинства из них (в частности, изделия из ценных металлов) передавалось в Народный банк.

С января по июнь 1920 г. был закрыт целый ряд городских храмов, среди которых церкви при Краевой советской больнице, госпитале Красного креста, Александровском приюте. Входящая Иерусалимская церковь была закрыта для богослужений и переоборудована в музей «древности и искусства местного края» [4, л. 36–39]. В это же время при участии Реввоенсовета были закрыты некоторые городские и уездные монастыри (Благовещенский, Чуркинский). Подавляющая часть мероприятий по ликвидации храмов была проведена комиссией при отделе юстиции с прямым нарушением советского законодательства, в частности, декрета об отделении Церкви от государства (23 января 1918 г.). Способы, которыми власти добивались конфискации церковных зданий, были различны. Так, в одном из отчётов, поступивших на имя председателя Губисполкома от комиссии по отделению, объяснялись следующие мотивы закрытия церкви «Скоропослушницы»: «На территории находятся командные курсы, это оскорбляет чувство верующих. Кроме того учреждениям, действующим на умы затемняюще, среди курсов не место. Здание отдаётся для культурно-просветительских учреждений курсов». При этом сообщалось, что община (20–30 человек) выступает против закрытия, «но храмов в Астрахани много, пусть посещают соседние» [3, л. 72]. Таким образом, местные властипроизводители кон-

фискацию церковных зданий, пользуясь моментом, бесконтрольно, зачастую не имея юридических оснований, а лишь пользуясь хитрыми уловками.

Несмотря на то, что Комиссия по отделению Церкви от Государства использовала все средства для выполнения возложенных на неё задач, уже весной 1920 г. её деятельность была признана малоэффективной. 20 марта заведующий отделом юстиции П. А. Фокин в отчёте президиуму Губисполкома докладывал, что «за всё время существования Комиссии по отделению Церкви от Государства работа таковой производилась в высшей степени непродуктивно», а «товарищи, которые назначались председателями Комиссии, не отвечали своему назначению» [3, л. 54]. Тот же заведующий отделом юстиции рапортовал 6 июня 1920 г.: «Работа Комиссии ведётся вяло» [3, л. 173]. На основе отчётов, составленных П. А. Фокиным, Губисполком пересмотрел деятельность подотчётной ему Комиссии. И уже в августе 1920 г. она была ликвидирована.

Эстафету по антирелигиозной деятельности приняло так называемое Ликвидационное отделение, созданное при Губернском отделе внутреннего управления в конце 1920 г. Согласно инструкции, оно было призвано развернуть широкую деятельность по лишению юридического статуса всех религиозных общин. Пункт 13 инструкции гласил: «Ликвидационное отделение отбирает от всех церковных учреждений и религиозных организаций, как не имеющих права юридического лица, печати и штампа по особым описям». За сопротивление деятельности отделения была предусмотрена ответственность «как за саботаж» [6, л. 224]. С момента создания новой структуры начинается активная деятельность Губернского отдела внутреннего управления как органа по решению всех религиозных вопросов. Роль этого учреждения резко возросла во время возникновения «обновленческого» раскола, когда совместно с местными органами ГПУ оно решало вопросы регистрации и ликвидации православных общин. Активность работы Отдела внутреннего управления видна из сопоставления регистрационных списков религиозных общин Астраханской губернии. Согласно этим документам, к середине 1923 г. в Астрахани и уездах были зарегистрированы 63 православных общины, имеющие каждая по одному храму. В 1924 г. это количество сократилось до 50. По статистике, 1925 г. в Астраханской губернии насчитывалось всего 22 православных прихода. Таким образом, за три года число православных общин сократилось почти в три раза, а по сравнению с дореволюционным периодом – более чем в десять раз (с 250) [16, с. 340].

Наряду с закрытием храмов и ликвидацией религиозных общин местные власти для борьбы с Церковью широко применяли репрессивные меры против духовенства Астраханской епархии. По окончании военных действий на территории губернии советские органы занялись чисткой и выявлением «приспешников белых» в местах, некогда занятых частями белой армии. В связи с проведением чистки пострадало немало священнослужителей в сельских районах епархии. Сложно, а зачастую практически невозможно было разобраться в правомерности ситуативных действий сельских священников. В попытках установить «истину» приезжающие на места чиновники стремились учесть различные факторы, фигурирующие в том или ином деле [15, с. 171].

В конце декабря 1919 г. в с. Вахромеевку Астраханского уезда был направлен следователь для выяснения обстоятельств расстрела в данном селе во время власти белых двух коммунистов. По этому делу, как соучастник, был привлечён священник местной церкви Н. Костин. При этом расследование затруднялось позицией крестьян, от которых «ничего подозрительного нельзя было узнать – народ сильно религиозный» [1, л. 15]. Однако против священника дал показания председатель местной комячейки Бочарников, который сообщил о связи Н. Костина с белыми офицерами, а также о том, что он не разрешил перезахоронить расстрелянных возле церкви коммунистов. В показаниях председателя комячейки также звучали обвинения священника в антисоветской агитации [1, л. 17]. Кроме Бочарникова против отца Николая дал свои показания бывший церковный сторож Шоболов. Во время допроса Н. Костин опроверг все выдвинутые ему обвинения. Косвенным доказательством вины были расценены найденные при обыске в доме у священника фотографии царского дома Романовых, что тоже было присовокуплено к обвинению. 22 марта 1920 г. Н. Костин был приговорен к 15 годам тюрьмы, которые вскоре были заменены по применению амнистии ВЦИК от 8 ноября 1919 г. на 5 лет [1, л. 57]. Трудно сказать, была ли на самом деле применена амнистия, поскольку на первом же листе «дела Костина» крупным почерком было выведено: «амнистию не применять». Возможно, указанная виза мотивировалась отказом священника перезахоронить расстрелянных коммунистов.

В архиве Астраханского УФСБ были обнаружены ещё несколько дел священников, к которым были применены репрессии. Все они похожи. По их материалам также были вынесены

приговоры по обвинению в сотрудничестве с белогвардейцами [15, с. 173–175]. Важно отметить, что во многих случаях на защиту осуждённых пресвитеров выступали жители – прихожане церквей. Так, весной 1920 г. сельский сход с. Джамбай вынес постановление ходатайствовать за своего священника А. Гурьянова, осуждённого в январе того же года. Действия жителей села сыграли важную роль: 14 мая 1920 г. А. Гурьянов был амнистирован и восстановлен в правах [5, л. 49].

Во время проведения чисток «белогвардейских приспешников» среди духовенства местные власти организовывали розыск священнослужителей, оказавшихся на территории, занятой частями белой армии, и при их отступлении покинувших пределы Астраханской губернии. Они разыскивались по всей территории России с целью установления их виновности перед советской властью.

Очень строго подходили представители органов власти к тем священнослужителям, которые по разным причинам скрывали факты своего рукоположения в духовный сан. Так, летом 1920 г. в связи с сокрытием сана священник с. Капустин Яр М. Рождественский был обвинён в контрреволюционном деянии с заведомой целью нанести вред советской власти. 1 июля 1920 г. по приговору особого отдела 1-й Конной армии он был расстрелян [2, л. 27].

По мере изменения внутривластных приоритетов советского правительства изменялась и содержательная характеристика тех обвинений, которые предъявлялись властями духовенству и мирянам. Общая тенденция обвинений «в контрреволюции» сохранялась, детализировались лишь направления контрреволюционной деятельности: отношение к советской власти и Красной армии, сокрытие принадлежности к духовному званию, так называемые «экономические преступления» и пр. Многие дела на священнослужителей фабриковались по ложным доносам, в некоторых случаях ложность обвинений доказывалась судом, обвиняемого освобождали [15, с. 179].

Кроме практических действий, направленных на непосредственное подавление Церкви, в 1920–1925 гг. астраханские власти работали и над созданием аппарата по агитационно-пропагандистской работе. Целью этого аппарата было, прежде всего, влияние на общественное мнение о Церкви и советской власти. Естественно, едва не главную роль в подобного рода деятельности играла губернская пресса. Газеты и журналы были в этот период практически единственным средством массовой информации, их значение в деле агитации и пропаганды трудно переоценить.

Главная ответственность за продвижение в массы нужных идей и мнений в этот период лежала на Агитационно-пропагандистском отделе Губкома РКП(б). До начала изъятия церковных ценностей его основная работа заключалась в поднятии авторитета советской власти, который был очень низким, особенно среди крестьян. В сёлах перед началом посевных проводились политико-просветительские работы [9, л. 3]. В период голода деятельность отдела включала в себя не только поднятие населения на борьбу с бедствием, но и информационное подавление любых недовольств политикой государства (при поддержке так называемых «агиттроек»). Для этого были выпущены специальные материалы для агитаторов. Они должны были стать теоретической основой борьбы с недовольными политикой властей во время голода. В агитматериалах указывалось, что причиной создавшейся ситуации стала неразвитость хозяйства, продиктованная политикой царского времени, а сам голод был пятым по счёту и не самым сильным [9, л. 31]. Власти, конечно, лукавили: по размаху и последствиям продовольственному и сельскохозяйственному кризису 1921 г. не было равных. Да и причины столь масштабного бедствия крылись в основном не в предшествующей царской политике, а в политике «военного коммунизма» с его продразверстками и продналогами.

Весной 1922 г. внимание властей и агитационно-пропагандистского аппарата переключается на подготовку и безболезненное проведение кампании по изъятию ценностей из храмов и монастырей. В это время вновь на первые позиции выходит губернская пресса. Статьи, вышедшие в марте – апреле 1922 г. в газете «Коммунист», имели своей целью прежде всего настроить голодающее население против Церкви и заручиться его поддержкой при проведении описей и конфискации церковного имущества [14]. Эта работа удалась почти повсеместно – открытых столкновений с властями во время изъятия не было.

Активная пропагандистская работа в печати велась в 1922–1924 г. в поддержку обновленческого движения. На этом фронте работы служащие астраханского Агитпропотдела достигли меньших успехов. Прежде всего необходимо отметить, что в материалах, размещаемых в этот

период в газетах, не просматривается единой позиции местной власти к обновленческому движению. Статьи об «обновленцах», как правило, перепечатывались из центральных газет, при этом они переносились в местную прессу зачастую в хаотичном порядке – материалы в поддержку обновленцев перемежались с осуждающими их фельетонами.

Первая официальная страница антирелигиозной пропаганды появляется в астраханской прессе в ноябре 1922 г. Её курировал Агитпропотдел Губкома РКП(б). Отдел обращался ко всем сознательным гражданам со страниц «Коммуниста» с призывом: «нам надо углубить работу, надо поставить её так, чтобы она действительно уводила от всякой религии» [11]. Уже 28 ноября в той же газете был помещён первый отчёт о работе Агитотдела. В нём отмечалась деятельность сотрудников аппарата пропаганды по организации празднования годовщины Октябрьской революции, а также сообщалось о сотрудничестве Агитпропа с другими органами власти. Информации о непосредственной антирелигиозной работе не было [12].

Наиболее заметной из антицерковных мероприятий в 1923 г. стала акция по подготовке к празднику Пасхи («комсомольская Пасха»). 4 апреля в Зимнем театре был организован вечер рабочей молодёжи на тему «Против праздника Пасхи, за празднование революционных праздников» [12], а 6 апреля в газете «Коммунист» статьям и фельетонам о Пасхе была отведена целая полоса. В этом же номере ещё две полосы были заняты антирелигиозными статьями, в основном насмешливого и кощунственного характера.

Начиная с марта, в пропагандистских целях в газетах начинают печатать выдержки из антирелигиозной литературы различных авторов, рекомендованной Агитпропотделом. В период с января 1923 по декабрь 1924 г. в каждом номере «Коммуниста» помещались статьи о патриархе Тихоне, в которых он и высшее церковное руководство представлялись важнейшими врагами советской власти и народа. Авторы статей из номера в номер призывали верующих не верить патриарху.

В апреле 1924 г. в Астрахани создается ещё одна (полуофициальная) организация, имеющая антицерковную направленность – «Союз безбожников» (СБ). Согласно уставу, главной задачей СБ являлось «объединение всех сознательных трудящихся для организации активной борьбы против религии во всех видах и формах». Для выполнения поставленной задачи Союз: «а) организует на фабриках, заводах, воинских частях, учебных заведениях, в сёлах и деревнях свои ячейки; б) организует и поддерживает антирелигиозную пропаганду во всех видах: лекции, кружки, библиотеки, музеи, курсы, кино, театральные представления и т. п.; в) способствует внедрению в широкие массы нового безрелигиозного быта». Официальными печатными органами астраханского отделения СБ стали центральные издания – газета «Безбожник», журналы «Безбожник» и «Антирелигиозник» [7, л. 1]. Обнаруженные на сегодняшнее время документы не дают возможности определить характер деятельности «Союза безбожников» в Астраханской губернии в 1924–1925 гг. Мы можем лишь утверждать, что до 1927 г. работа СБ велась вяло и не имела больших успехов. Согласно протоколу совещания антирелигиозного актива от 14 октября 1927 г., в работе Союза выявилась масса недостатков. Организация испытывала сильную потребность в грамотных работниках, отсутствие которых делало невозможным полноценное противодействие проповедям священников. Отсутствовала поддержка СБ со стороны сельсоветов, ГПУ и рядовых партийцев. В то же время в сельской местности религиозность населения не снижалась. Как сообщалось с мест, во многих сельсоветах отводились места по храмы, в пользование приходов отдавались сенокосные угодья, церкви снабжались стройматериалами для ремонта [7, л. 34–36].

Таким образом, даже к 1927 г. религиозность сельского населения губернии продолжала оставаться на высоком уровне. Это происходило несмотря на усилия официальных властей и полуофициальных организаций, таких как СБ. В связи с этим нам представляется необходимым дать анализ тем процессам, которые препятствовали проведению активной и успешной антицерковной деятельности органов власти.

В первую очередь трудности были связаны с отношением населения (особенно сельского) к коммунистической партии, которое, в свою очередь, было обусловлено социально-экономическим положением крестьянства.

В 1920–1925 г. уровень жизни населения продолжал оставаться очень низким. Положение резко ухудшилось после начала голода летом 1921 г. В голодающих регионах (в том числе и в Астраханской губернии) власти оказались неспособными решать поставленные временем

задачи. При этом основная тяжесть борьбы с голодом была возложена на само население. Губернские власти, развернувшие широкую агитационную деятельность, начинают использовать все имеющиеся возможности для получения средств от самого населения. Прежде всего, под лозунгами борьбы с голодом, начинает ужесточаться контроль над сбором налогов, а также вводятся новые сборы. Большая часть крестьянских хозяйств находилась к этому времени на грани разорения. Пытаясь хоть как-то существовать, многие сельские жители скрывали свои земли и скот от налогов. В декабре 1921 г. газета «Коммунист» сообщала, что в Астраханском и Енотаевском уездах при проверке были обнаружены 7997 десятин пахотной земли и 1528 голов разного скота, скрытые от налогов [13]. При этом из номера в номер звучали призывы об уплате всех налогов, получение которых государство напрямую связывало с объемами помощи голодающим.

Необходимо отметить, что в это время на население была возложена обязанность уплачивать всевозможные прямые и косвенные налоги и сборы. Среди них продналог, гужевой налог, гербовый сбор, подворный налог, промышленный сбор, различные государственные займы, квартирный налог, подоходный налог, подоходно-поимущественный налог, налог на сады и др. После оценки такого, зачастую непосильного для населения налогового бремени, становится ясно, почему отчёты о политическом и социальном состоянии уездов, направляемые в Губернский отдел внутреннего управления, содержат массу упоминаний о недовольствах властью среди местного населения. В сводке о политическом состоянии Золотухинской волости Енотаевского уезда за декабрь 1922 г. сообщается о неблагоприятном отношении к коммунистам [10, л. 5]. А в отчёте за март 1923 г. о положении дел в Копановской волости того же уезда уже напрямую говорится о «ропоте среди населения, ввиду больших налогов» [10, л. 14]. 1 апреля 1923 г. руководство Владимирской волости сообщает в губернию о том, что отношение к коммунистам остаётся недоверчивым: «К собраниям и конференциям население относится пассивно, очень мало обращает внимания на такое». И далее: «Очень много налогов» [10, л. 28].

Ситуация в социально-экономическом положении крестьян практически не изменилась и в последующие годы. Хотя уже к осени 1922 г. кампания помощи голодающим была официально окончена, во многих районах засуха, неурожай и голод продолжались вплоть до 1925 г. и позже. Ситуация ещё больше усугублялась непрекращающимся ростом налогов. В октябре 1923 г. из Владимировской волости сообщали, что хозяйства крестьян постепенно приходят в упадок, так как вырабатываемая продукция не оправдывает годовые расходы. При этом вол-исполком указывал, что крестьяне считают непосильным возложенный на них сельхозналог, а в некоторых сёлах волости крестьяне отказались платить сельхозналог с погибших земель [10, л. 110]. В отчётах за конец 1923 г. из других волостей сведения о бедственном положении крестьян и их неспособности выплатить налоги повторялись почти слово в слово. Губернское руководство, проанализировав представленные отчёты, дало указание: «Если не удастся убедить, применить репрессии» [10, л. 133]. В уездах постановления поспешили исполнить. Например, в Енотаевском уезде 25 февраля 1924 г. на совещании налоговых работников уездного финотдела решили «принять жёсткие меры по ликвидации недоимок по уравнительному сбору, подоходно-поимущественному, промысловому и сельскохозяйственному налогам» [10, л. 255].

Предпринятые меры по «выбиванию» недоимок привели лишь к ухудшению ситуации. Из рассекреченных документов 1924–1925 гг. ясно видно, что вся северная часть Астраханской губернии продолжала существовать в состоянии глубокого сельскохозяйственного кризиса и почти повсеместного голода. В сёлах не хватало скота для пахоты, денег для покупки инвентаря. Из-за почти полного отсутствия посевного зерна следовало резкое сокращение посевных площадей. Неблагоприятные погодные условия в некоторых районах приводили к гибели озимых и яровых посевов, что в конечном итоге означало голод. На фоне этого сводки о политическом состоянии сельского населения постоянно сообщают об ухудшающемся отношении к советской власти, хотя констатируют отсутствие открытых выступлений крестьян [8].

Учитывая все вышеизложенные факты, можно утверждать, что вопреки стремлениям властей, на территории Астраханской губернии они не пользовались поддержкой большинства населения. Крестьяне относились к новой власти с недоверием, а иногда и с открытым презрением. Это недоверие сказывалось практически на всех направлениях деятельности органов власти, в том числе и на антирелигиозной работе. Агитация и пропаганда не имели на сельских жителей такого воздействия, какое они имели в городе. Крестьяне без энтузиазма и даже с опаской встречали нововведения местных властей. В создавшейся в 1920–1925 гг. ситуации они больше тяготели к православию и не были восприимчивы к мероприятиям,

проводившимся агитпропотделами. Именно поэтому в Астраханской губернии (в отличие, например, от Царицынской) большинство проводимых по инициативе местных властей мероприятий (включая компанию по изъятию ценностей и «обновленческий» раскол) находили больше поддержки в городе и мало затрагивали село.

Список литературы

1. Архив Астраханского УФСБ. – Д. 7387.
2. Архив Астраханского УФСБ. – Д. 7612-с.
3. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 190.
4. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 26.
5. ГААО. – Ф. 1178. – Оп. 1. – Д. 340.
6. ГААО. – Ф. 1632. – Оп. 1. – Д. 499.
7. ГААО. – Ф. 3337. – Оп. 1. – Д. 1.
8. ГААО. – Ф. Р-447. – Оп. 1. – Д. 2, 8, 13.
9. ГААО. – Ф. Р-477. – Оп. 1. – Д. 223.
10. ГААО. – Ф. Р-477. – Оп. 1а. – Д. 2.
11. Коммунист. – 19 ноября 1922. – № 262.
12. Коммунист. – 28 ноября 1922. – № 269.
13. Коммунист. – 22 декабря 1921. – № 288.
14. К изъятию церковных ценностей // Коммунист. – 2 апреля 1922. – № 74.
15. Очерки истории астраханской епархии. – Ростов-на-Дону, 2002. – 467 с.
16. Саввинский, И. Историческая записка об Астраханской епархии / И. Саввинский. – Астрахань, 1903. – 395 с.

References

1. *Arkhiv Astrakhanskogo UFSB* [Archive of the Astrakhan FSB], case 7387.
2. *Arkhiv Astrakhanskogo UFSB* [Archive of the Astrakhan FSB], case 7612-s.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti* [The State Archive of the Astrakhan Region], found 1, inventory 1, case 190.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti* [The State Archive of the Astrakhan Region], found 1, inventory 1, case 26.
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti* [The State Archive of the Astrakhan Region], found 1178, inventory 1, case 340.
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti* [The State Archive of the Astrakhan Region], found 1632, inventory 1, case 499.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti* [The State Archive of the Astrakhan Region], found 3337, inventory 1, case 1.
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti* [The State Archive of the Astrakhan Region], found R-447, inventory 1, case 2, 8, 13.
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti* [The State Archive of the Astrakhan Region], found R-477, inventory 1, case 223.
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti* [The State Archive of the Astrakhan Region], found R-477, inventory 1a, case 2.
11. *Kommunist* [The communist], November 19, 1922, no. 262.
12. *Kommunist* [The communist], November 28 noyabrya 1922, no. 269.
13. *Kommunist* [The communist], December 22, 1921, no. 288.
14. К изъятию церковных ценностей [To the seizure of church values]. *Kommunist* [The communist], April 2, 1922, no. 74.
15. *Ocherki istorii astrakhanskoy yeparkhii* [Essays on the history of the Astrakhan diocese]. Rostov-on-Don, 2002, 467 p.
16. Savvinskiy, I. *Istoricheskaya zapiska ob Astrakhanskoy yeparkhii* [Historical note on the Astrakhan diocese]. Astrakhan, 1903, 395 p.